

Поначалу, завидев Линь Цинжання, Гу Хайфэн решил, что они с Гу Вэньюем просто друзья. Но стоило поразмыслить здраво: то, как внезапно объявился Вэньюй и как поспешно пресёк их общение, явно указывало — всё далеко не так просто, как кажется на первый взгляд.

На душе у Хайфэна вдруг заскребли кошки. Поёжившись под тяжёлым взглядом брата, он уставился на него в ожидании ответа.

— Не твоё дело, не лезь, — холодно бросил Гу Вэньюй, не собираясь ничего объяснять.

— Брат! — От такой холодности Хайфэн занервничал ещё сильнее. — Это из-за того, что случилось год назад? Но ведь тогда тот старшекласник...

— Хватит! — оборвал его Вэньюй. В его бесстрастном голосе сквозило ледяное раздражение. — Я уже сказал: не суй нос куда не просят. Не заставляй меня повторять.

Развернувшись, он бесстрастно обронил напоследок:

— Гу Яньцин. Вторая средняя школа города S.

С этими словами он зашагал обратно к дому Линь Цинжання, даже не обернувшись.

Хайфэн так и застыл на месте, судорожно сжимая в кулаке брошенные братом ключи и растерянно глядя ему вслед.

Смысл последней фразы был предельно ясен. Гу Яньцин — это фальшивое имя, под которым скрывался сейчас загримированный Вэньюй, а Вторая школа города S — выдуманное место учёбы.

В памяти всплыли обрывки воспоминаний годичной давности, и Хайфэн невольно сжал ключи ещё крепче. О тех событиях он знал лишь малую часть. Тогда всё наложилось одно на другое, и поднялся жуткий скандал, который улегся очень не скоро.

Пока Гу Вэньюй шёл обратно к дому Линь Цинжання, он уже успел продумать план разговора. Какие бы вопросы ни задал юноша, у него на всё были готовы убедительные отговорки.

Стоило ему сесть за стол, как Цинжань протянул ему чашку горячей воды.

— Выпей, согрейся. На улице собачий холод.

Вэньюй принял чашку и сделал глоток. Мороз его ничуть не заботил — все мысли были заняты тем, о чём сейчас спросит парень.

Он отпил уже почти половину, не сводя глаз с Цинжана. Тот, отдав воду, сразу отошёл к шкафу и принялся там что-то искать. Глядя на его спину, Вэньюй нетерпеливо нахмурился.

— Одежда ещё не просохла, просуши феном. Всё-таки зима на дворе, — Цинжань достал из шкафа фен и протянул гостю.

— Не нужно, — Вэньюй даже не потянулся к прибору. На влажную куртку ему было плевать.

Вэньюй никогда не отличался кротким нравом, а сейчас его терпение и вовсе лопнуло. Отставив чашку, он в упор посмотрел на Цинжана и как бы между прочим бросил:

— А я думал, ты засыплешь меня вопросами о моём двоюродном брате.

Линь Цинжань лишь покачал головой и убрал фен обратно. Пока Вэньюй ходил на улицу, он уже успел переодеться в сухие вещи, так что сушить ему было нечего.

— Не люблю лезть в чужую жизнь.

Цинжань сел за стол, сделал пометку напротив задачи, которую только что объяснил, и пододвинул тетрадь на середину, открыв следующее сложное задание.

Вэньюй оперся локтем о стол, подперев щеку ладонью, и молча уставился на тонкие бледные пальцы, переворачивающие страницу сборника задач. На его красивом лице застыла холодная маска, не выражающая абсолютно ничего.

В ушах звенел ровный, терпеливый голос Линь Цинжана, разбавляемый лишь тихим шуршанием ручки по бумаге. Вэньюй слушал вполборота, едва заметно и презрительно усмехнувшись про себя.

«Надо же, как искусно разыгрывает равнодушие. Держит дистанцию, чтобы распалить интерес? Хм, забавно».

Когда объяснение закончилось, он заставил себя выдавить дежурное «угу». Последующие задачи он даже не слушал — все эти темы он и так прекрасно знал, а визит затеял лишь ради того, чтобы втереться в доверие.

Собираясь уходить, Вэньюй озвучил предлог, который заготовил заранее:

— Кстати, мы ведь так и не добавили друг друга в WeChat. Давай обменяемся контактами, а то созваниваться или слать обычные сообщения каждый раз неудобно.

Ещё когда он раздобыл номер Цинжаня, он пробовал найти его профиль через поиск, но тот оказался скрыт настройками приватности.

— Хорошо, — согласился Цинжань. С WeChat действительно было куда проще. Он открыл на экране QR-код для сканирования.

Как только они обменялись контактами и Вэньюй собрался уходить, телефон Линь Цинжаня завибрировал.

Вэньюй, будучи значительно выше, легко заглянул в экран и успел заметить всплывшее уведомление от контакта по имени «Хань Ян». В глубине его тёмных глаз на долю секунды вспыхнула опасная искра.

— Ну, тогда до завтра, — непринуждённо бросил Вэньюй, сделав вид, будто ничего не заметил, и мысленно утвердив планы на следующий визит.

— До завтра, — Линь Цинжань поспешно спрятал мобильный в карман.

Проводив гостя, он вернулся в комнату, запер дверь на замок и достал телефон. Долго, не шевелясь, он смотрел на имя отправителя и лишь спустя минуту решился открыть сообщение.

Там была всего одна короткая строчка: требование прийти к десяти часам на их обычное место.

Линь Цинжань крепко сжал трубку в ладони. Его лицо оставалось маской, не выражающей никаких чувств. Отложив телефон, он раскрыл сборник тестов и принялся остервенело решать задачи.

Он строчил с бешеной скоростью, словно пытаясь выместить на бумаге всю бурю, бушевавшую внутри. На один полноценный тест у него ушло не больше пятнадцати минут.

Счёт времени был потерян. Когда к нему наконец вернулось относительное спокойствие, стрелки часов уже перевалили за час ночи.

На следующее утро Цинжань проснулся ни свет ни заря. Наспех решив несколько вариантов контрольных, он спустился на кухню и, услышав там подозрительную возню, встревоженно прибавил шаг.

— Бабушка, я же просил! Я сам всё приготавливаю!

Бабушка как раз жарила шэнцзяньбао. На сковороде аппетитно шкворчало масло, и по всей кухне разносился умопомрачительный аромат.

— Глупенький, ты же знаешь, что для меня это в радость, — ласково проворчала старушка, выкладывая последний пирожок на тарелку. — Врач сказал, что я иду на поправку и со мной всё хорошо, а ты, Жань-жань, вечно изводишь себя пустой заботой. — Она негромко вздохнула: — Я сама чувствую, когда мне нужно отдохнуть. А если буду просто сидеть сиднем, у меня все суставы закостенеют!

— Бабушка! — испуганно перебил её Цинжань. — Не говори глупостей. Ты у меня до ста лет доживёшь! — Он забрал у неё тарелку с горячими шэнцзяньбао, отнёс на обеденный стол и принялся раскладывать по пиалам кашу.

— Хорошо-хорошо, до ста лет, — улыбнулась бабушка Линь. — Буду жить долго-долго, лишь бы подольше побыть с моим любимым внуком.

Она достала из мультиварки свежесваренное соевое молоко, и они уселись завтракать.

— Жань-жань, ешь побольше. Учёба отнимает много сил, тебе нужно налегать на сытное, — приговаривала бабушка, подкладывая ему в тарелку шэнцзяньбао. — На недавнем осмотре доктор подтвердил, что здоровье у меня в порядке. Позволь мне хотя бы готовить, сынок. Ты же знаешь, как я это люблю.

Раньше, пока бабушка сильно болела, Линь Цинжань не подпускал её к домашним делам и всё готовил сам.

Он откусил кусочек пирожка, медленно пережёвывая. Он прекрасно понимал, что бабушка терпеть не может сидеть без дела и постоянно ищет, чем бы себя занять, но тревога за её слабое здоровье не отпускала его.

— Но...

— Никаких «но», — мягко перебила она, сделав глоток каши. — Сам же слышал: врач рекомендовал мне посильную физическую активность.

Доктор действительно советовал давать бабушке умеренную нагрузку, строго-настрого запретив переутомляться.

Цинжаню пришлось уступить.

— Хорошо, но уговор: ты только готовишь, и больше ничего. Если понадобится поднять что-то тяжёлое или сделать то, что требует усилий, позови меня или дождись моего возвращения.

— Договорились, договорились! Буду беречь себя, не переживай так, — радостно закивала бабушка. Лучики морщинок собрались у уголков её глаз. Она заботливо положила внуку ещё и цзяоцзы.

Здоровье бабушки было главным источником постоянного беспокойства для Линь Цинжаня. Именно из-за страха за неё он каждый день летел домой сломя голову, едва звенел звонок с последнего урока.

Ведь кроме неё у него больше никого не осталось в этом мире.

После завтрака Цинжань отсчитал нужные таблетки, лично проследил, чтобы бабушка их выпила, и только тогда облегчённо вздохнул.

Вернувшись к себе, он проработал ещё около десятка тестов, окончательно разобравшись со сложными темами. Когда он наконец отложил ручку и взглянул на часы, было уже половина десятого.

До встречи оставалось ровно тридцать минут.

Убирая исписанные листы, он случайно коснулся пальцами щеки. Вчерашняя припухлость почти сошла — если не приглядываться, и не заметишь, — но ссадина в уголке губ всё ещё отчётливо виднелась.

Цинжань отложил настольное зеркальце и отрешённо посмотрел в окно.

«Скоро на моём лице появятся новые отметины».

<http://bllate.org/book/18342/1764183>